

Советская история секретности в контексте войн (информационно-статистический аспект деятельности Советского государства)

Фомин Дмитрий Александрович

ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Цитирование: Фомин Д.А. (2026). Советская история секретности в контексте войн (информационно-статистический аспект деятельности Советского государства). *Terra Economicus* 24(1), 83–98. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-83-98

Слабая изученность информационного аспекта деятельности Советского государства и отсутствие его сравнительных сопоставлений с практикой деятельности других государств являются источником многочисленных мифов. Эти мифы ложно отождествляют советскую практику секретности с тоталитаризмом и авторитаризмом, игнорируя при этом внешние враждебные условия, в которых существовал СССР длительный период своей истории. Принимая во внимание тотальный характер современных войн и необходимость мобилизации всех ресурсов государства, общества и экономики, Советский Союз, с одной стороны, прикладывал колоссальные усилия для изучения военно-промышленного потенциала страны и возможностей его эффективного использования. С другой стороны, создавал систему секретности, препятствующей внешней оценке советского военно-промышленного потенциала и создающей во враждебных государствах ситуацию неопределенности. Наиболее открытым и информационно насыщенным периодом всей советской истории был период с момента окончания Гражданской войны до середины 1930-х гг. Самым закрытым информационным периодом стал предвоенный период со второй половины 1930-х гг. и до конца 1950-х гг. Создание ядерной бомбы и средств доставки позволило СССР выйти из затянувшегося военно-мобилизационного состояния, однако реальность холодной войны так и не позволила СССР вплоть до своего распада вернуться к раннесоветскому уровню государственной публичности. Секретность и информационная закрытость в предвоенный и военный период являются в мировой истории стандартной практикой, направленной на защиту государства, независимо от его идеологии, государственного строя, системы управления. Отрицание этого факта и, как следствие, ценности советского наследия, предопределило ошибки государственной информационно-статистической политики в ходе подготовки и проведения специальной военной операции на Украине.

Ключевые слова: СССР; государственная статистика; информационная политика; секретность; Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит); мировые войны; холодная война

Финансирование: Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 126020516495-3 «Методология и методика разработки и обоснования приоритетов инвестиционной, кредитно-денежной и фискальной политики структурной трансформации российской экономики в новых геополитических условиях».

The history of secrecy in the context of wars: The case of the Soviet Union

Dmitry A. Fomin

Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia
e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Citation: Fomin D.A. (2026). The history of secrecy in the context of wars: The case of the Soviet Union. *Terra Economicus* 24(1), 83–98 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-83-98

The lack of studies on Soviet Union's information policies, along with the absence of relevant comparative analyses across other countries, have given rise to numerous myths. Secrecy practices in the USSR were frequently misrepresented as a feature of totalitarianism and authoritarianism while disregarding the hostile external conditions in which the USSR existed for a significant portion of its history. Considering the all-encompassing nature of modern wars and the need to mobilize all the resources of the state, society, and economy, the Soviet Union, on the one hand, made colossal efforts to study the country's military-industrial potential and the possibilities for its effective use. On the other hand, USSR designed a system of secrecy to prevent external evaluation of Soviet military-industrial capabilities and create a sense of uncertainty among hostile nations. The most open and information-intensive period in Soviet history was from the end of the Civil War to the mid-1930s. In contrast, the most secretive period was the prewar era, spanning from the late 1930s to the end of the 1950s. Due to the development of nuclear weapons and delivery systems, the USSR escaped from prolonged military mobilization. However, the realities of the Cold War prevented the USSR from returning to its early level of state publicity until its collapse. Secrecy and informational opacity are standard practice in world history during prewar and wartime periods, aimed at protecting the state regardless of its ideology, political system, or governance structure. Denial of this fact, and, consequently, the neglect of Soviet legacy, has led to errors in state information and statistical policies during the preparation and execution of the special military operation in Ukraine.

Keywords: USSR; government statistics; information policies; secrecy; Main Directorate for Literature and Publishing (Glavlit); world wars; Cold War

Funding: The study is performed within the research and development plan stated by the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch RAS. Project 126020516495-3, "Methodology and techniques for developing and substantiating priorities for investment, monetary and fiscal policies for the structural transformation of the Russian economy in new geopolitical conditions".

JEL codes: F52, H56, P20

Введение

В советское время информационная политика не являлась предметом научного обсуждения. Секретными были не только многие сведения, секретом был сам факт существования системы закрытой информации, что исключало общественную дискуссию по поводу разграничения тайного и публичного. В постсоветский период информационная политика и порождаемая ею секретность рассматривалась подавляющим большинством авторов не как самостоятельная и самодостаточная характеристика Советского Союза, а исключительно в качестве инструмента сокрытия многочисленных преступлений государства и обеспечения безнаказанности его руководителей.

Интерес к теме государственной секретности, теме, казалось бы, безнадежной и бесперспективной, неожиданно проявился после февраля 2022 г. Выяснилось, что декларируемые в последние десятилетия принципы публичности данных и прозрачности государственных и предпринимательских структур несовместимы с масштабными боевыми действиями и внешнеторговыми санкциями. Спешно адаптируемая государством к новым условиям информационная система утратила многие свои прежние черты, однако основные принципы построения системы в современных условиях до сих пор не сформулированы. Конечно, было бы хорошо, если бы такая коррекция состоялась раньше, а богатый советский опыт был бы наконец-то проанализирован и востребован современным российским руководством.

Помимо российского руководства, интерес, и интерес также неспроста, к теме секретов проявился у западных исследователей. Летом 2023 г. один из лучших и авторитетных в мире историков по военной экономике Марк Харрисон выпустил книгу «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме», посвященную влиянию политики секретности на эффективность государственных решений (Harrison, 2023). Книга при всей ее содержательности и богатом информационном материале содержит целый ряд недостатков. Главный из них заключается в игнорировании внешнего фактора военной опасности, который оказывал колоссальное влияние на внутривнутриполитические процессы в советском обществе. Этот фактор лежал в основе предвоенной консолидации управленческой элиты и был основной причиной подавления враждебных и оппозиционных групп (Фомин, 2024). Книга М. Харрисона также содержит в себе призыв к современной России к проведению политики информационной открытости и предостерегает от повторения ужасных практик советского прошлого.

Вряд ли, конечно, к рекомендациям авторитетных и заслуженных советологов стоит относиться серьезно. Современную информационную политику России следует строить с опорой на исторический национальный (главным образом, советский) опыт, в основе которого лежали интересы страны, направленные на устранение и нейтрализацию военных угроз.

Война и информация

На протяжении всей военной истории человечества информация рассматривалась в качестве оружия и важнейшей составляющей боевых действий. В древнейшем «Трактате о военном искусстве» китайского полководца Сунь-цзы говорится о том, что война – это путь обмана, и потому противнику следует демонстрировать свою силу, если нужно избежать войны, и слабость, если нужно спровоцировать врага на войну (Конрад, 1950: 34). Однако долгое время ценность военной информации была ограничена узкими рамками профессиональных армий и территорий ведения боевых действий. Информационная ситуация стала меняться только после 1914 г.

Первая мировая война впервые в истории человечества стала, по выражению главы немецкого Генерального штаба Эриха Людендорфа, войной тотальной, т.е. войной, мобилизующей ради победы все имеющиеся у страны силы и ресурсы (Людендорф, 2015). Для ведения традиционной войны государству требовались деньги и относительно небольшие контингенты профессиональных военных; тотальная война велась силами всего дееспособного населения и экономическими ресурсами не только государства, но и общества. Если традиционная война требовала знаний состава и численности армии противника, то тотальная война предполагала изучение военно-экономического и военно-мобилизационного потенциала воюющих стран.

В России в июле 1914 г. был издан специальный «Перечень сведений, касающихся военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается». По сути, это был стандартный перечень служебной информации, который устанавливал границы военной цензуры. Всего в перечне было 25 пунктов, которые наделяли статусом секретности сведения о мобилизации и перевозке войск, о стратегических и тактических свойствах театра военных действий, потерях в личном составе, о содержании корреспонденции лиц, находящихся в армии, волнениях в областях, занятых войсками, о катастрофах, взрывах, пожарах, эпидемиях на театре военных действий. В связи с осознанием тотального характера войны в июле 1915 г. перечень был расширен на пять пунктов, в которых устанавливался запрет на публикацию информации военно-эконо-

мического и военно-социального характера. К такой информации были отнесены вопросы союзнического снабжения, заготовок для военной промышленности, случаи перебоев в ее работе, всякого рода нарушения «обычного течения жизни», а также результаты неприятельской бомбардировки, крушение кораблей и т.д. (Батулин, 2012).

В последующем в результате революций и гражданской войны действующий перечень был значительно расширен, субъектами изменений были многочисленные органы советской власти. С целью преодоления правовых и организационных противоречий при реализации политики ограничения информации в июне 1922 г. был создан специальный орган – Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). Столь нелепое название объясняется тем, что организационно управление являлось структурным подразделением Комиссариата просвещения, в ведении которого находились все полиграфические мощности страны, а вполне уместное для названия ведомства слово «цензура» было дискредитировано в дореволюционное время в связи с ограничениями политической активности и запретами. Несмотря на череду последовавших переименований и организационных преобразований, первоначальный вариант названия ведомства – Главлит – просуществовал в официальном названии ведомства до самого конца СССР. Главлит изначально создавался как межведомственный орган, который собирал информацию от различных советских комиссариатов и ведомств и на этой основе вел единый реестр информации, которая имела секретный характер. Усилия работников Главлита привели к тому, что уже к концу 1920-х гг. крайне непоследовательные и противоречивые требования военной цензуры были трансформированы в полноценную информационную систему ограниченного доступа, которая охватывала важнейшие военные, экономические, промышленные, финансовые, демографические и социальные характеристики страны.

Деятельность Главлита, как и любого советского учреждения, была строго регламентирована. Основным документом, которым руководствовались цензоры при проверке выходящей в СССР литературы, был специальный перечень сведений, запрещенных к опубликованию. Первый перечень сведений, являющихся государственной тайной, вводился в 1926 г. специальным Постановлением ЦИК Совнаркома, а в 1929 г. появился перечень секретных сведений, который был разработан уже Главлитом (Волковский, 2003: 343–344).

Перечень постоянно трансформировался в зависимости от складывающейся военной и политической ситуации. До сих пор содержание перечней и их эволюция не изучены. Препятствует анализу отсутствие перечней в научных библиотеках. На мое обращение в государственную научно-техническую библиотеку (ГПНТБ СО РАН) поступил ответ, что в фондах библиотеки такие перечни не значатся. Из этого следует, что к секретам относилась не только информация, обозначенная в перечнях, но и сам факт наличия таких перечней.

Единственный перечень, который мне удалось обнаружить, это «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» за 1976 г. Данный перечень в свое время поступил в редакцию журнала «Новый мир», сейчас он находится в свободном доступе на официальном сайте журнала. Выкладка перечня сопровождалась статьей сотрудника редакции В. Губайловского, в которой он рассматривает советскую цензуру как инструмент конструирования виртуальной советской действительности, призванный прикрывать реальные провалы государства¹.

Довольно хорошее представление об информационной политике СССР и ее изменениях дает анализ общегосударственных статистических публикаций. Наиболее насыщенным в информационном плане был период начала 20-х – середины 30-х гг. В этот период начали публиковаться ежегодные статистические сборники, издаваться «Труды ЦСУ СССР», а также выходить периодические специализированные статистические журналы. В первой половине 30-х гг. публичная статистическая деятельность стала сворачиваться, сборники стали более лаконичными, а их номенклатура сузилась. В 1939 г. был издан только один общесоюзный сборник «Социалистическое строительство СССР», в котором насчитывалось всего 207 страниц, при этом изданный в 1935 г. аналогичный сборник насчитывал 690 страниц статистического материала (Симчера и др., 2001: 140–154).

¹ Губайловский В. (2013). Картинка низкого разрешения. Советская цензура как метод конструирования реальности. <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/381-cenzura> (дата доступа: 16.08.2025)

Начальной временной точкой отсчета сворачивания системы информационной открытости в СССР следует считать 1932 г. Информационная закрытость явилась ответом на военную угрозу и была составной частью милитаризации общества. Оккупация Японией Маньчжурии заставила руководство СССР резко поднять уровень военных расходов: с 2,3% ВВП в 1930 г. до 8,2% в 1932 г., а к 1938 г., вследствие роста военной напряженности в мире, довести их до 10,7% ВВП (Туз, 2021: 634).

Особо пристальное внимание к деятельности Главлита партийные и государственные органы проявили накануне Великой Отечественной войны. Предпринятая череда разбирательств выявила существенные недостатки в деятельности ведомства. Начальник Главлита Н.Г. Садчиков, пришедший на эту должность на волне кадровых чисток в 1938 г., в своей докладной записке на имя В.М. Молотова указывал, что за два предыдущих года в общую печать СССР попало 2428 секретных сведений, были раскрыты места дислокаций 195 военных гарнизонов, газеты сообщили о большей части строящихся гидротехнических сооружений и электростанций, были обнародованы производственные мощности по производству синтетического каучука, азота и метилового спирта, раскрыта сеть радиостанций СССР, рассекречены схемы связи в пограничных районах. В этой же записке указывалось, что небрежность работы цензоров привела к значительным материальным потерям государственных средств, которые были вызваны переброской воинских частей в новые места расположения, а также изменением систем связи и вещания (Горяева, 2009: 216).

Мобилизационная подготовка к войне в информационной сфере означала создание тотального государственного контроля над всеми средствами массовой информации и цензуру информационных потоков. В 1939 г. в СССР аппарат цензуры насчитывал 6027 человек, которые контролировали 7194 газеты с количеством номеров 898, 4 тысячи и разовым тиражом 35,5 млн экземпляров, 1762 журнала с общим тиражом 268,9 тыс. экземпляров, все материалы вещательных радиостанций и радиоузлов, 4681 типографию. Кроме того, сотрудники Главлита досмотрели 2,4 млн присланных из-за рубежа бандеролей. В 1938–1939 гг., исходя из военно-экономических и идеологических соображений, Главлит выпустил 199 приказов об изъятии из библиотек 16 453 названий книг общим тиражом 24,1 млн экземпляров (Волковский, 2003: 351–360).

Вне всякого сомнения, жесткая информационная цензура 1930-х гг. была ориентирована на нейтрализацию не только внешних угроз, но и внутренних, которые в условиях внешней военной опасности могли дестабилизировать и парализовать работу государства. Руководители СССР (так же как и руководители всех других воюющих стран) хорошо помнили опыт Первой мировой войны, в которой погибли четыре империи, и твердо знали, что причинами их гибели были не военные поражения и захваты территорий, а внутренние экономические и социальные факторы. Консолидация общества перед внешней опасностью и преодоление раскола элит были составной частью мобилизации предвоенного советского общества. Очевидно, что данный аспект должен учитываться при оценке происходивших в стране кадровых чисток, поисков внутренних врагов, замалчивания и сокрытия демотивирующей и раскалывающей советское общество информации.

Тем не менее даже такая жесткая предвоенная информационная политика показалась недостаточной в преддверии войны. В июле 1939 г. в СССР был разработан специальный «Перечень сведений, являющихся государственной и военной тайной на военное время», а в сентябре того же года, после начала военной кампании по присоединению территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, он был введен в действие (Волковский, 2003: 361). О содержании этого перечня мало что известно. Н. Волковский указывает на то, что данный перечень был более расширенным по сравнению с перечнем, действовавшим в мирное время. В частности, он запрещал выпуск советских журналов и газет иностранным подписчикам, ограничивал подписку и хождение областных, городских и районных газет внутри страны, устанавливал запреты на издание статистических справочников и картографических материалов. Также ничего не известно о периоде действия этого перечня. Хотя какие-то предположения на этот счет высказать можно.

Неоднородность информационной и статистической политики Советского государства в довоенный период свидетельствует о том, что в основе этой политики были не те или иные особенности социалистического общества или характера государственного управления, а внешнеполитические изменения и связанные с ними военные опасности. Советская информационно-статистическая политика по своей сути являлась инструментом обеспечения секретности в условиях предвоенного и военного времени.

С одной стороны, все большая милитаризация экономики и ее централизация предполагают увеличение статистических работ и увеличения объемов информации (Фомин, 2023). С другой стороны, они увеличивают требования к обеспечению секретности и скрытности. Сама по себе система закрытости в условиях военного противостояния не была стабильной, она постоянно расширялась и дополнялась разного рода запретами, которые, на первый взгляд, были далекими от требований военной цензуры. Уход из публичного пространства сведений был ответом на появление разного рода вызовов, которые нарастали в связи с разработкой нового вида оружия и увеличением его поражающих свойств.

Фактор стратегической авиации

Одним из таких видов оружия, появившихся в межвоенный период и сыгравших значительную роль в годы Второй мировой войны и в первые полтора десятилетия после ее окончания, стала бомбардировочная стратегическая авиация. Первыми к созданию нового вида оружия приступили США. Уже в начале 30-х гг. прошлого века страна располагала бомбардировщиками, которые вследствие своей дальности, огневой мощи и высокой бомбовой нагрузки могли прорвать любую противовоздушную оборону противника и уничтожить любой объект на его территории. Вместе с тем открывшиеся технические возможности долгое время не имели теоретического обоснования и не принимались в расчет военными стратегами. Изменил ситуацию, как это часто бывает, случай.

В 1936 г. наводнение разрушило небольшой завод в Питтсбурге, который среди прочего производил пружины для авиационных винтов с изменяемым шагом. Это в общем-то незначительное событие полностью остановило авиационное производство. Завод в Питтсбурге не являлся высокотехнологичным производством, а производимые им пружины для винтов не были инновационным изделием. Но завод был единственный, кто делал эти пружины. Случай позволил понять, что в любой сложной технологической системе есть слабые и уязвимые места, разрушая которые можно добиться если не полной остановки военного производства, то его существенного сокращения (Гладуэлл, 2022: 55). Наверняка такие случаи были и в других странах, а их военные аналитики пришли к тем же выводам по поводу как открывшихся возможностей нападения на производство противника, так и защиты от нападений.

Впервые во Второй мировой войне стратегическая авиация была использована Германией осенью 1940 г. Массовые, но довольно беспорядочные бомбардировки столицы и портов Британии не имели значительного эффекта с точки зрения сокращения объемов военного производства и деморализации населения. В этих условиях было принято решение о точечной бомбардировке центров военной промышленности. Первой такой целью стал небольшой город Ковентри, в котором, по сведениям немецкой разведки, фирма Роллс-Ройс разместила заводы по производству двигателей для истребителей. Хотя результаты стратегических бомбардировок не привели к краху авиационной промышленности, они потребовали от руководства страны принятия дорогостоящих и часто неэффективных мер по децентрализации военной экономики, развитию дублирующих производств, созданию сложной системы технологической координации разбросанных по всей стране мелких предприятий и мастерских и, конечно же, системы информационной закрытости производства (Ларсон, 2021: 446–458).

Со стороны союзников самой успешной стратегической воздушной операцией против Германии стала бомбардировка шарикоподшипниковых заводов в Швайнфурте в августе 1943 г. По воспоминаниям А. Шпеера, в результате бомбардировок объем производства самых массовых подшипников диаметром от 6,4 до 24 см уменьшился на 38%. Хотя восстановление производственных мощностей заводов растянулось на 6–8 месяцев, критический урон военному производству нанесен не был вследствие наличия большого запаса подшипников на сборочных военных заводах (Шпеер, 1997: 390–391). Что касается воздушных налетов, то они больше не повторялись, командование союзных военно-воздушных сил сочло уровень потерь бомбардировщиков (примерно четверть от участвующих в налете) неприемлемым для продолжения стратегических воздушных операций.

Стратегические воздушные операции не сводились к нанесению точечных ударов по критически важным промышленным объектам. Второе, наиболее массовое и хорошо известное направление использования стратегической авиации в годы Второй мировой войны – это бомбардировки по

площадям, применявшиеся для разрушения городов Германии и Японии и приводившие к уничтожению промышленных предприятий, жилых зданий, транспортной и коммунальной инфраструктуры. Эти бомбардировки основывались на передовых достижениях аэродинамики и требовали информации, которая, на первый взгляд, не имела никакой разведывательной ценности.

Анализ боевых возможностей стратегических бомбардировщиков выявил, что потенциальный ущерб, который могут причинить разрывы авиационных бомб, не является критическим. Гораздо больший ущерб могут причинить пожары, вызванные бомбардировками. Целью англо-американских бомбардировок было создание очагов массовых пожаров, которые в совокупности вызывали огненный смерч – мощный восходящий поток нагретого воздуха. В эпицентр этого потока, имеющего температуру 800 °С, со всех сторон со скоростью более 240 км/ч устремлялись ураганные потоки воздуха.

Впервые воздушный удар, приведший к образованию огненного смерча, был нанесен по Гамбургу 27 июля 1943 г. Огненный смерч плавил стекло, сталь, кирпичи, а штормовой ветер бросал в его эпицентр целые здания, товарные вагоны, вырванные с корнем деревья, машины. Площадь пожара составила около 21 кв. км, в нем погибло около 50 тыс. человек (Ирвинг, 2006: 53–57).

Такие стратегические операции требовали большой подготовки, прежде всего информационной. При подготовке к бомбардировке немецких и японских городов принимались в расчет самые разнообразные сведения: удельный вес площади парков и скверов в городской застройке, материал стен и перекрытий, расстояние между домами, протяженность акведуков и емкость городских бассейнов, расположение объектов энерго- и водоснабжения снабжения. В песках штата Юты к лету 1943 г. под руководством архитекторов и дизайнеров, много лет проживших в Германии и Японии, были построены типичные кварталы городов, которые предстояло разбомбить. При строительстве пытались достичь максимальной точности. Здания в японском стиле, например, снабдили скользящими ширмами, традиционными оконными ставнями и татами – циновками из рисовой соломы толщиной пять сантиметров. После окончания строительства специально присланный флот бомбардировщиков сбрасывал на макеты кварталов различные боеприпасы, а наземные команды быстро восстанавливали разрушенное. В результате этих испытаний удалось установить огневую мощь бомбардировщиков, которую следовало использовать для разрушения городов, а также определить лучшее средство огневого поражения. Им стал напалм, который вызывал пожары первой категории (т.е. пожары, которые становились неконтролируемыми после шести минут от сброса бомб) в 68% попаданий (Гладуэлл, 2022: 158–163).

Не менее напряженной была ситуация и на советско-германском фронте, по одну сторону которого прикладывались колоссальные усилия по сокрытию информации, а по другую – не менее колоссальные усилия по ее добыче. Так же как и в других стратегических операциях Второй мировой войны, информационные провалы перерастали в экономические проблемы и незамедлительно сказывались на результативности боевых действий. К сожалению, об этой стороне Великой Отечественной войны до сих пор мало что известно. Самое последнее многотомное издание об истории Великой Отечественной содержит специальный том, посвященный экономике 1941–1945 гг. (Великая Отечественная война..., 2013). Однако в нем ничего не говорится о стратегических наступательных операциях люфтваффе и об экономических последствиях бомбардировок тыловых районов СССР.

Одним из авторов идеи воздушных налетов на СССР был рейхсминистр вооружения и военного производства Третьего рейха А. Шпеер. Осенью 1942 г., осознав уже очевидную перспективу затяжной войны, А. Шпеер предложил переосмыслить значение бомбардировочной авиации. По его мнению, бомбардировочная авиация должна решать не тактические задачи по поддержке действий сухопутных сил, а стратегические, связанные с разрушением критически важных производств Советского Союза. В качестве таких критических производств А. Шпеер называл электростанции Центрального и Уральского экономических районов, которые, по расчетам его ведомства, вырабатывали 60% электроэнергии и обеспечивали ею практически все советское сталелитейное производство. В период электрификации и индустриализации СССР заказы на проектирование электростанций и оснащение их оборудованием получали немецкие фирмы. Сотрудникам министерства достаточно быстро удалось найти всю необходимую техническую

документацию и чертежи станций. С согласия фюрера на проведение операции в декабре 1942 г. были сооружены деревянные макеты советских электростанций под Белостоком, туда же был переброшен 6-й авиационный корпус дальней бомбардировочной авиации для отработки ударов. Однако эта стратегическая бомбардировочная операция была сорвана по причине стремительного наступления Красной Армии под Сталинградом и необходимости переброски всех резервов для его отражения (Шпеер, 1997: 385–388).

Помимо А. Шпеера и его рейхсминистерства, авиационные удары по советским промышленным объектам готовила и немецкая разведка. Действия абвера стали в итоге более продуктивными. Осенью 1942 г. было создано специальное подразделение экономической разведки – абверкоманда-101, в задачу которого входил поиск бывших инженеров и техников из числа советских военнопленных. Этой группе удалось отыскать и склонить к сотрудничеству многих технических специалистов. С их помощью немецкая разведка составила аналитические обзоры советской промышленности, начертила планы промышленных предприятий и составила схемы их снабжения. После войны советской разведке благодаря захваченным немецким архивам удалось установить личности завербованных, и в 1947 г. были проведены закрытые судебные заседания по делам о сотрудничестве с врагом и промышленном шпионаже. Вся собранная подразделением информация направлялась в специализированное отделение экономической разведки абвера *Walli – 1Wi*. По итогам этой аналитической деятельности было принято решение о проведении серии воздушных налетов в июле 1943 г. на территорию Поволжья. Ударам подверглись автомобильный завод в Горьком, авиационный завод и нефтеперерабатывающий завод «Крекинг» в Саратове, шинный завод в Ярославле (Дегтев, Зубов, 2014: 59–61).

Тактика проведения воздушных ударов была достаточно сложной, она требовала большой работы. Накануне бомбардировок немецкие самолеты-разведчики делали снимки городов. Но эти снимки сами по себе мало что говорили. В Советском Союзе существовал запрет на публикацию панорамных снимков городов. Это делалось для затруднения идентификации городских объектов при нанесении воздушных ударов. Чтобы найти объекты бомбардировки и городские ориентиры, немцы использовали знания завербованных советских специалистов. После дешифровки снимков выполнялись трехмерные макеты или рисунки заводов и цехов, которые следовало разрушить. Сам налет проводился в несколько этапов. На первом специальная авиагруппа (цельфиндеры), в состав которой входили самые опытные пилоты и штурманы, сбрасывала над городом осветительные бомбы и обозначала цели. Вторая группа разрушала водозаборные станции, перебивала водоводы и бомбила городские электроузлы. И только после этого шла третья, самая массовая авиагруппа, которая сбрасывала на освещенные, обесточенные и обезвоженные промышленные объекты зажигательные и фугасные бомбы (Дегтев, Зубов, 2014: 59–61).

Также следует отметить, что на территории СССР работали многочисленные агенты, которые передавали абверу нужную военную-экономическую информацию, а при воздушных атаках корректировали действия немецких пилотов. Во время бомбардировок в городах в воздух взлетали белые ракеты, указывающие местонахождение объекта бомбардировки, или синие и красные, показывающие направление на объект. Сотрудникам НКВД в большинстве случаев не удалось задержать выпускающих ракеты агентов. Как стало известно уже в постсоветское время, в советском тылу в годы войны было 389 агентурных радиостанций, остановить работу которых и установить личности причастных к ним не удалось (Зефилов и др., 2007: 427).

Воздушные удары нанесли значительный урон промышленной базе СССР. Однако с точки зрения перспектив военного производства и наступательного потенциала Красной Армии самыми значимыми потерями оказались разрушение двух цехов Горьковского автозавода и уничтожение базы хранения нефтепродуктов при нефтеперерабатывающем заводе в Саратове.

Д. Дегтев и Д. Зубов (2014: 244) указывают, что из 44 цехов Горьковского автозавода получили повреждения 34. Но эти повреждения носили крайне неравномерный характер, практически полностью разрушенными оказались колесный цех, потерявший 305 единиц оборудования из 323, и цех шасси, лишившийся 1788 единиц оборудования из 1799. Можно с уверенностью сказать, что именно эти цеха стали основной целью воздушных налетов. Выбор цели, разумеется, не был случайностью, он стал результатом напряженной аналитической работы. Немецкие специалисты выяснили, что колесный цех и цех шасси были единственными в СССР производствами,

которые на уникальном оборудовании, полученном в начале 1930-х гг. из США, методом штамповки производили в год более миллиона колес и шасси для многих видов военной техники. Производимые колеса и шасси использовались в автомобилях, самолетах, танках и артиллерийских орудиях (Зефилов и др., 2007: 427). Таким образом, разрушение двух цехов Горьковского автозавода привело к параличу производства практически всей военной техники в СССР. Проблему производства колес удалось решить только к ноябрю 1943 г. за счет поставок нового оборудования из США по ленд-лизу. Несмотря на колоссальные усилия Советского государства по защите своих экономических тайн, Германии все-таки удалось найти уязвимое место советской промышленности и нанести по нему крайне болезненный удар.

Вторая стратегическая проблема, которую пытался решить Третий рейх с помощью воздушных наступательных операций летом 1943 г., – это лишить советскую промышленность оборудования для переработки нефти, а Красную Армию – запасов топлива. Руководство Германии вполне справедливо считало, что поставить на прикол танковые и механизированные соединения СССР из-за нехватки топлива является более предпочтительной задачей, чем жечь танки на поле боя и бомбить прикрытые истребителями маршевые колонны.

Этой логики немецкое руководство придерживалось в течение 1942 г., когда развернуло наступательную группировку «Центр» на юг с целью захвата месторождений нефти на Кавказе и рассекания волжской транспортной артерии. Итогом этого маневра, как известно, стала Сталинградская битва. В 1943 г., в преддверии другой крупнейшей битвы, снова была сделана ставка на нефть. В навигационный период 1942 и 1943 г. немецкая авиация активно минировала фарватер Волги с целью разрушения транспортного коридора между Каспийским регионом добычи нефти и городами Поволжья, где эта нефть перерабатывалась. Логистические пути снабжения перерезать не удалось, нужно было искать иные способы блокировки поставок нефтепродуктов на фронт.

Во второй половине июня 1943 г. на завод «Крекинг» в Саратове и прилегающую к нему базу хранения нефтепродуктов было совершено 11 авианалетов. Завод был полностью разрушен, а запасы топлива уничтожены. Очевидно, что хранение в одном месте больших запасов топлива, в пределах досягаемости дальней авиации, да еще неподалеку от производившего его завода, было крупной ошибкой. Эта ошибка едва не стала фатальной для военной кампании лета 1943 г. Тем не менее до начала авианалетов пять важнейших фронтов, готовящиеся к наступательным операциям в районе Курска, – Западный, Центральный, Брянский, Степной и Воронежский – уже успели получить необходимый объем горюче-смазочных материалов (Зефилов и др., 2007: 582). Также в дальнейшем часть потерь топлива удалось компенсировать за счет американских поставок. По всей видимости, немецким военным, готовящим стратегическую воздушную наступательную операцию с осени 1942 г., не хватило времени. Если бы воздушные удары по нефтеперерабатывающим мощностям и базам хранения топлива были нанесены раньше, то результаты боевых действий Красной Армии в 1943 г. наверняка были бы менее успешными. Срок опоздания нанесения авиационных ударов, скорее всего, насчитывает лишь несколько недель.

Результаты проведения стратегических операций Третьего рейха в тыловых районах СССР также отчетливо показали, что требования секретности вряд ли могут быть избыточными. Планировщики воздушных стратегических операций для достижения поставленных целей опирались на множество разных сведений, таких, например, как схема прокладки водоводов и размещение электрических подстанций в советских городах, материал стен и кровли промышленных цехов, погодные и климатические условия, кооперация и специализация военных производств. Никто не мог сказать, какие знания понадобятся противнику и как он ими распорядится. В условиях информационной неопределенности самая разумная стратегия состоит в том, чтобы засекретить максимально возможное количество данных, вынудить противника принимать неверные управленческие решения в условиях отсутствия, недостатка или сознательного искажения информации.

Тайные будни холодной войны

Послевоенная администрация США приступила к формированию нового мирового порядка, для создания которого нужно было подавить левые силы и социалистическое движение, дискредитировать коммунистическую идеологию, а также демонтировать довоенную колониальную

систему и при этом сохранить западное мировое доминирование путем построения системы не-околонизализма. Эти амбиции США, на пути которых стоял СССР, были подкреплены колоссальной экономической и промышленной мощью, а также монопольным обладанием новым ядерным оружием высокой разрушительной мощности. Развязанная западными странами холодная война по-прежнему требовала от СССР высоких военных расходов и обеспечения секретности, теперь уже, главным образом, в области ядерного вооружения. В 1945 г. СССР так и не удалось выйти из предвоенного военно-мобилизационного состояния.

Первый план нападения на своего недавнего союзника по антигитлеровской коалиции был разработан в США в ноябре 1945 г. План предусматривал ядерную бомбардировку 20 городов Советского Союза, в которых было сконцентрировано производство 90% самолетов, 73% орудий, 86% танков, 88% грузовиков, 42% стали, 65% нефтепродуктов и около 50% мощностей по производству подшипников (Уткин, 2010: 58). Как видно, авторы этих планов не ушли от логики стратегических воздушных наступательных операций Второй мировой войны и в качестве их целей по-прежнему обозначали разрушение производственных мощностей. Впрочем, открывшиеся возможности ядерных бомбардировок были осознаны довольно быстро.

Дальнейшая политика американских властей была направлена на увеличение ядерных боеприпасов, средств их доставки и, как следствие, увеличение числа потенциальных объектов уничтожения. На пике этой политики в 1977 г., согласно единому интегрированному плану распределения целей НАТО, число объектов для нанесения ядерных ударов на территории СССР и его союзников по Варшавскому договору определялось в 40 тысяч (Уткин, 2010: 231). После этого западные военные аналитики пришли к выводу, что дальнейший рост ядерных наступательных вооружений ведет не к большей безопасности (как это имеет место с обычными вооружениями), а повышает опасность ядерной войны вследствие роста возможностей утраты контроля над гигантским ядерным потенциалом и его несанкционированного применения.

Ядерное оружие, вследствие своих высоких поражающих свойств, делало вопросы об объектах бомбардировок бессмысленными. Достаточно указать, что уже в 1955 г. у США было 1350 стратегических бомбардировщиков, при этом боевая мощь ядерных бомб стандартного бомбардировщика по своей разрушительной силе была эквивалентна совокупному объему всех бомб, сброшенных союзной авиацией на территорию Германии (Уткин, 2008: 237). На смену вопросам выбора объектов бомбардировок пришли другие, более тревожные для американских стратегов новой холодной войны вопросы.

До появления советской атомной бомбы у США не было достаточного запаса ядерных боеприпасов, гарантирующего нанесение стратегического поражения СССР. После проведения испытания атомной бомбы в августе 1949 г. на Семипалатинском ядерном полигоне единственным сдерживающим фактором применения ядерного оружия против СССР был страх ответного удара.

В производстве ядерной бомбы Советский Союз отстал от США на четыре года. Еще большим – 12 лет – было отставание в производстве стратегических бомбардировщиков, которые до конца 1950-х гг. были единственными носителями ядерных боеприпасов. Серийное производство первого советского стратегического бомбардировщика Ту-95 началось в 1955 г., в 1956 г. первые 22 бомбардировщика встали на боевое дежурство (Минаев, 1999: 557–567). Основным американским стратегическим бомбардировщиком начала холодной войны Б-29 поступил на службу в 1944 г.

Это отставание и вызванная им уязвимость СССР вынуждали руководство страны принимать асимметричные меры реагирования, в том числе информационного характера. Вряд ли, конечно, советские руководители читали и читали Сунь-цзы, но действовали по общим универсальным и заново переоткрытым правилам ведения войны: «Если ты можешь что-то, показывай противнику, что не можешь. Если ты пользуешься чем-то, показывай противнику, что не пользуешься. Хотя ты и далеко, показывай противнику, что ты близко» (Конрад, 1950: 34). Закрытость советской информационной системы заставляла США делать ошибочные прогнозы и принимать разорительные и крайне неэффективные управленческие решения.

Первой серьезной американской ошибкой в холодной войне стала оценка научно-промышленного потенциала СССР и определение срока, в течение которого будет создана советская ядерная бомба. Наиболее авторитетным в США было мнение военного руководителя Манхэт-

тенского проекта бригадного генерала Л. Гровса, утверждавшего, что атомная бомба появится в СССР не ранее 1965 г. Только к этому времени, по мнению генерала, СССР сумеет получить необходимые теоретические знания, разработать инженерные ноу-хау, создать промышленные мощности и сделать запасы уранового сырья. Оценка Л. Гровсом сроков создания советской атомной бомбы не была единственной. Но даже самые пессимистические сценарии не предполагали появления бомбы у СССР ранее 1952 г. (Уткин, 2010: 92).

Пелена секретности, окружавшая советские разработки ядерного вооружения, дала свои результаты и в другом советском проекте – ракетном. Подавляющая часть американских экспертов скептически, хотя и крайне настороженно, относилась к возможностям создания межконтинентальных баллистических ракет в СССР. Успешный запуск с помощью ракеты Р-7 первого искусственного спутника Земли поверг руководство США в еще больший шок, чем создание СССР ядерной бомбы. Появление у СССР ракетных сил сдерживания нанесло американскому истеблишменту психологическую травму, от которой он так и не смог оправиться. В основе имперской послевоенной политики США лежал принцип неприкосновенности и неуязвимости их территории. Этот принцип отменили советские межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками. Они же породили новый принцип военного противостояния – принцип гарантированного взаимного уничтожения.

Также стоит заметить, что появление советских ракет привело к тому, что стратегическая авиация потеряла монополию на доставку ядерных боеприпасов, а непрерывно совершенствующаяся система противовоздушной обороны и вовсе свела ее значимость в ядерном конфликте к минимуму. Это значит, что громадные инвестиции США в развитие стратегической авиации с начала 1930-х гг. и до конца 1950-х гг. были омертвлены с помощью советской ракетной программы.

Октябрь 1957 г. не только обозначил перелом в холодной войне, но и определил возможность выхода СССР из затянувшегося военно-мобилизационного состояния. Перед СССР наконец-то открылись возможности нормализации экономической, социальной и политической жизни. По данным А.Р. Белоусова, в 1950 г. удельный вес расходов на оборону составлял 17% советского ВВП, к 1960 г. этот уровень удалось понизить до 13%, при этом сам ВВП между рассматриваемыми годами вырос на 85,6% (Белоусов, 2000). Хотя абсолютный уровень военных советских расходов и их удельный вес в структуре ВВП до сих пор является предметом научной дискуссии и не имеет общепризнанных оценок, факт сокращения относительных расходов в конце 1950-х гг. является признанным.

Стремительный рост советской экономики и сокращение военного бремени позволили перейти в конце 1950-х гг. к развитию потребительских отраслей экономики – сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности. Совсем не случайно именно в 1957 г. СССР приступил к реализации двух важнейших социальных программ – массовому жилищному строительству и пенсионному обеспечению рабочих и служащих. Феномен демократизации и либерализации общественной послевоенной жизни, известный под названием «хрущевская оттепель», имеет под собой множество оснований. И далеко не последнюю роль в его появлении сыграло долгожданное обретение чувства защищенности и неуязвимости перед внешней опасностью.

Что касается информационной политики государства, то маркером ее изменения стало обновление публикаций статистических сборников. Первый послевоенный статистический ежегодник под новым названием «Народное хозяйство СССР» был выпущен в 1956 г., а образовавшиеся в предвоенные, военные и послевоенные годы статистические лакуны были частично компенсированы в специально изданном в 1957 г. сборнике «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах» (Симчера и др., 2001: 295–296).

Можно с уверенностью сказать, что период с начала 1930-х до конца 1950-х гг. был военно-мобилизационным периодом СССР, накладывающим свое влияние на все без исключения сферы жизни государства, общества и экономики. Жертвенность, сверхнапряжение и жестокость этих лет сыграли свою роль (возможно, фатальную) в дальнейшей судьбе СССР. Анатолий Уткин считал, что психологической компенсацией военной мобилизации стала неизбежная деморализация позднего СССР, в итоге приведшая к его краху (Уткин, 2010: 116).

Ядерный паритет и возможность обмена ударами, разумеется, не остановили холодную войну. США продолжали прикладывать колоссальные усилия по добыче военных секретов, а СССР

продолжал их тщательно оберегать. Борьба за секреты велась с использованием самых совершенных достижений научно-технического прогресса. США делали ставку на неуязвимые, а часто даже невидимые высотные самолеты-разведчики, СССР – на систему противовоздушной ракетной и авиационной обороны.

Американские самолеты, стартовавшие в Гренландии, могли добраться до Свердловска и вернуться обратно, а самолеты, вылетевшие из Турции, долетали до Байкала. Самолеты оснащались средствами ведения фото- и радиоразведки, они перехватывали телеметрическую информацию с борта советских баллистических ракет, снабжались оборудованием для отбора образцов воздуха, имели на своем борту осветительные бомбы для высотного фотографирования объектов с помощью подсветки. В 1950 г. самолеты США совершили около 1 тыс. полетов над территорией СССР, в 1959 г. – более 3 тыс., а всего за период 1950–1970 гг. американская авиация более 20 тыс. раз нарушала воздушные границы СССР и осуществила фотосъемку на территории более 3 млн кв. км (Ракитин, 2013: 304–330). Долгое время многочисленные случаи американского воздушного пиратства оставались безнаказанными, качественные изменения в советском небе произошли только в 1960 г. В мае с помощью зенитной ракеты С-75 под Свердловском на высоте 20 км был сбит высотный самолет-разведчик, а через два месяца советский перехватчик МиГ-19 на Кольском полуострове повторил успех с помощью только что разработанной ракеты класса «воздух – воздух».

Разведывательные полеты не были единственными, а впоследствии и значимыми средствами сбора информации. Для анализа экономики и оценки военно-мобилизационного и технического потенциала СССР силами тех же военно-воздушных сил США была создана специальная исследовательская структура, ныне признанная в России нежелательной организацией. В рамках данной структуры было создано новое научное направление – советология и научная школа под руководством Абрама Бергсона. В 1970-е гг., когда стало понятно, что стратегическая авиация потеряла свой приоритет в ядерном противостоянии, а рамки исследований вышли далеко за уровень компетенции армейского авиационного руководства, практически все исследования по советской экономике, уровню военных расходов и техническому анализу вооруженных сил были переведены в ЦРУ (Ханин, 1993).

Своим появлением летом 1947 г. Центральное разведывательное управление обязано холодной войне. Высокий уровень секретности в СССР объективно требовал создания специализированного центра по добыче секретов, большого штата сотрудников и значительного финансирования. Период развертывания деятельности ЦРУ пришелся на 1949–1952 гг., когда годовые расходы управления выросли с 4,7 млн долл. до 82, а численность служащих увеличилась с 302 человек до 2812 в США и 3142 агентов за границей (Уткин, 2010: 118–119).

Определение направленности военных приготовлений СССР и масштабов милитаризации его экономики было чрезвычайно сложной задачей, над решением которой трудились лучшие выпускники американских университетов, привлеченные в щедро финансируемые советологические центры. Для решения одной относительно небольшой камерной задачи – определение размеров советского ВВП и доли в нем военных расходов – США с середины 1950-х гг. до 1991 г. потратили от 5 до 10 млрд долл. (в ценах 1990 г.), годовой уровень финансирования работ колебался от 200 до 500 млн долл. Еще более дорогостоящими были работы по сбору информации. За четверть века (с 1960 по 1984 г.) только одно подразделение аэрокосмической разведки Национального разведывательного бюро потратило 250 млрд долл. В июле 1990 г. в ходе слушаний в Сенате США было заявлено, что попытка правительства США оценить советскую экономику являлась самым крупным проектом, реализованным в области социальных наук (Шлыков, 2001: 4–5).

Полученные в ходе этих работ оценки размера и динамики советского ВВП, а также уровень военных расходов долгое время были предметом острых дискуссий среди советских и американских экономистов. Сейчас эти дискуссии практически прекратились, прекратились не по причине появления согласия среди участников, а из-за потери своей актуальности. Как бы к полученным оценкам ни относиться, но однозначно можно утверждать, что масштабные советологические исследования привели к появлению знаний, которые можно было использовать и которые были использованы в борьбе с СССР.

Советологи выяснили, что, вопреки расхожим представлениям, экономика СССР была значительно интегрирована в мировую торговлю. Внешнеторговая квота советского ВВП (т.е. удель-

ный вес внешней торговли в его структуре) выросла с 12% в 1960 г. до 27% в 1980 г. По уровню вовлеченности в мировой рынок СССР существенно опережал такие страны, как США, Бразилия, Индия, и находился на одном уровне с Японией – островным государством, не имеющим ресурсов, сырья и рынков сбыта продукции на собственной территории (Санчес-Сибони, 2022: 18–23).

Аналитические выкладки советологов легли в основу внешнеэкономической политики западных стран в отношении СССР. В области экспортных операций целью политики стало сокращение объемов валютной выручки Советского Союза за счет падения цен. Руководство США добилось увеличения добычи нефти на Ближнем Востоке, что в условиях стабильного спроса обрушило цены на энергоносители.

Что касается советского импорта, то его основу составляли машины и оборудование, технологический трансферт компенсировал слабость советского научно-инновационного комплекса и его стремительно нарастающее отставание от мирового уровня. В 1949 г. в Париже был создан координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) с целью ограничения продаж военных и промышленных технологий социалистическим странам. Однако долгое время деятельность комитета была неэффективной. Резкое повышение роли КОКОМ во внешнеэкономических операциях произошло в начале 80-х гг. при президенте США Р. Рейгане, начавшем новый виток противостояния с СССР. В 1979 г. был изменен устав КОКОМ, новая версия устава расширила возможности борьбы с нарушителями рекомендаций. Позднее, в 1983 г. в Ленгли был создан насчитывавший 22 отдела секретный комитет разведки по делам передачи технологий, единственной задачей которого был контроль над покупками технологий странами социалистического блока. Создание комитета быстро принесло свои плоды. Если в 1975 г. США продавали СССР промышленной продукции на сумму 219 млн долл., то уже в 1983 г. этот показатель упал до 39 млн долл. В том же 1983 г. таможенные службы США и их европейских союзников задержали около 1400 нелегальных отправок Советскому Союзу на сумму в 200 млн долл. Эти энергичные и решительные действия США по подрыву советской экономики, по мнению П. Швейцера, послужили причиной гибели СССР (Швейцер, 2021: 63–154).

Конечно, считать причиной краха СССР деятельность администрации Рейгана и спецслужб США нет никаких оснований. Советский Союз на протяжении всей своей истории существовал и довольно успешно развивался во враждебном капиталистическом окружении. Гибель Советского Союза определялась множеством факторов, и самыми значимыми из них были внутренние. Но то, что американская разведка и советология нашли слабые и уязвимые места советской экономики, а американское руководство целенаправленно и успешно воздействовало на них, – это бесспорный факт.

Последний советский перечень, фиксирующий изменение границ дозволенного в период перестройки и гласности, вышел в 1987 г. (Блюм, 2009: 101). О содержании этих изменений также ничего не известно. С большой долей уверенности можно лишь предположить, что перечень был сокращен, а многие ранее секретные сведения стали предметом публичного обсуждения и внесли немалый вклад в дискредитацию и разрушение Советского Союза.

Заключение: секретность в современной России

История советской государственной секретности формально была окончена 21 июля 1993 г. с принятием в новой России Федерального закона № 5485-1 «О государственной тайне». В законе был установлен общий перечень сведений, составляющих государственную тайну, описана процедура отнесения сведений к секретным, а также был определен порядок работы с такими сведениями. Появившийся спустя два с лишним года Указ Президента № 1203 от 30 ноября 1995 г. «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» конкретизировал закон и в 119 пунктах установил перечень информации, составляющей предмет государственной тайны.

Начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция (СВО) внесла коррективы в государственную информационную политику и выявила несоответствие законодательной базы требованиям информационной безопасности государства. Это несоответствие является частным случаем противоречия между фронтом на западе страны и российским обществом, так и не ставшим за четыре с лишним года тылом.

По мере нарастания масштаба и длительности специальной военной операции все больше и больше сведений переставали быть публичными. В апреле 2022 г. был введен запрет на публикацию таможенной статистики в разрезе товарных групп и стран. Спустя месяц, в мае, стал недоступен платежный баланс РФ. Спустя еще месяц, в июне, непубличными стали детализированные сведения о доходной и расходной частях федерального бюджета. Тогда же был закрыт доступ к аналитическим материалам Федеральной налоговой службы и Федерального казначейства. В октябре 2022 г. системный оператор единой энергетической системы перестал предоставлять данные об объемах генерации и потребления электроэнергии по экономическим зонам и субъектам РФ. В декабре того же года пенсионный фонд закрыл статистику о численности пенсионеров и количестве назначенных пенсий. Закрыта социальная статистика была с большим опозданием: резкий рост назначенных пенсий по инвалидности и несовершеннолетним детям при потере кормильца позволил специалистам определить примерный уровень безвозвратных и санитарных потерь Вооруженных сил в зоне проведения СВО. Ответной мерой на введение западными странами санкций в отношении российских энергоресурсов и потолка цен стало закрытие информации о добыче нефти, газа и конденсата в апреле 2023 г. В июле 2024 г. в санкционный список была включена Московская биржа, в этой связи Центральный банк приостановил публикацию сведений об объемах торговли иностранной валютой на территории страны. После начала массированных ударов Украины беспилотными летательными аппаратами по нефтеперерабатывающим заводам в августе 2024 г. из ежемесячных сводок Росстата об объемах промышленного производства исчезла информация о производстве бензина, дизельного топлива и масел. Наконец, в октябре 2024 г. стало известно об отмене микропереписи населения, которая должна была проводиться в 2025 г., в середине десятилетнего интервала между всероссийскими переписями.

Достаточно хорошо заметно, что информационно-статистическая политика современного российского государства носит ситуативный характер, является реакцией на возникающие вызовы, в целом является пассивной и потому запоздалой. В этом ее коренное отличие от советской превентивной информационной политики, которая рассматривалась в качестве важнейшего элемента мобилизации общества и экономики.

Неопределенность и противоречивость информационного характера СВО проявляется и на уровне отдельных российских компаний. Ежегодно, начиная с 1996 г., в конце октября деловой российский еженедельник «Эксперт» публиковал рейтинг 400 крупнейших российских компаний. Эти компании, до данным авторов рейтинга, формировали около половины российского ВВП. В 2022 г. при составлении рейтинга выяснилось, что 87 крупнейших российских компаний закрыли свою отчетность. Это главным образом компании оборонно-промышленного комплекса («Алмаз-Антей», «Объединенная двигателестроительная компания», «НПК «Уралвагонзавод», «Роскосмос», «Вертолеты России», «Швабе»), а также крупнейшие российские банки (Сбербанк, Группа ВТБ, Альфа-банк, Промсвязьбанк)². В дальнейшем от публикации этого рейтинга решено было отказаться. Среди компаний, которые перестали публиковать свою отчетность, немало публичных акционерных обществ, которые в интересах инвесторов, согласно действующему законодательству, обязаны раскрывать отчетность.

По всей видимости, пришло время формирования новых подходов к информационно-статистической государственной политике. Разумеется, она не может повторить советскую практику секретности по целому ряду причин, начиная от кардинальных изменений технических информационных средств и заканчивая невозможностью ведения тотальной войны современным российским обществом. Тем не менее многие элементы советской системы секретности вполне могут быть переосмыслены и актуализированы для современных условий.

Литература / References

Батулин П.В. (2012). Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. *Ленинградский юридический журнал* (4), 152–165. [Batulin, P. (2012). Lists of military censorship in 1912–1923. *Leningrad Law Journal* (4), 152–165 (in Russian)].

² Клепча К., Огородников М., Ремизов М. (2022). На полных парусах в новый кризис. *Эксперт*, № 41, с. 64–89.

- Белоусов А.Р. (2000). Становление советской индустриальной системы. *Россия – XXI* (3), 22–67. [Belousov, A. (2000). Formation of the Soviet industrial system. *Russia–XXI* (3), 22–67 (in Russian)].
- Блюм А. (2009). *От неолита до Главлита. Достопамятные и занимательные эпизоды из истории российской цензуры от Петра Великого до наших дней. Собраны по архивным и литературным источникам.* СПб.: Искусство России. [Blum, A. (2009). *From Neolithic to Glavlit. Memorable and Entertaining Episodes from the History of Russian Censorship from Peter the Great to the Present Day. Collected from archival and literary sources.* Saint Petersburg: Iskusstvo Rossii Publ. (in Russian)].
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов* (2013). В 12 т., Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучуково поле. [*The Great Patriotic War of 1941–1945* (2013). In 12 vols., Vol. 7. Economy and Weapons of War. Moscow: Kuchukovo pole Publ. (in Russian)].
- Волковский Н.Л. (2003). *История информационных войн: В 2 ч., ч. 2.* СПб. [Volkovskiy, N. (2003). *History of Information Wars: In 2 parts, part 2.* Saint Petersburg. (in Russian)].
- Гладуэлл М. (2022). *Бомбардировочная мафия: мечты о гуманной войне и кровавые будни Второй мировой.* М.: Альпина Паблишер. [Gladwell, M. (2022). *The Bomber Mafia: A Dream, a Temptation, and the Longest Night of the Second World War.* Moscow: Alpina Publ. (in Russian)].
- Горяева Т.М. (2009). *Политическая цензура в СССР. 1917–1991.* М.: РОССПЭН. [Goryaeva, T. (2009). *Political Censorship in the USSR. 1917–1991.* Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russian)].
- Дегтев Д.М., Зубов Д.В. (2014). *Тень люфтваффе над Поволжьем. Налеты немецкой авиации на советские промышленные центры. 1942–1943.* М.: Центрполиграф. [Degtev, D., Zubov, D. (2014). *Shadow of the Luftwaffe over the Volga region. German Air Raids on Soviet Industrial Centres. 1942–1943.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (in Russian)].
- Зефиоров М.В., Дегтев Д.М., Баженов Н.Н. (2007). *Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО.* М.: АСТ. [Zefirov, M., Degtev, D., Bazhenov, N. (2007). *Swastika over the Volga. Luftwaffe against Stalin's Air Defence.* Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Ирвинг Д. (2006). *Разрушение Дрездена.* М.: Яуза. [Irving, D. (2006). *The Destruction of Dresden.* Moscow: Yauza Publ. (in Russian)].
- Конрад Н.И. (1950). *Сунь-цзы: трактат о военном искусстве: перевод и исследование.* М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Konrad, N. (1950). *Sun Tzu: Treatise on Military Art: Translation and Research.* Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian)].
- Ларсон Э. (2021). *Страх и надежда. Как Черчилль спас Британию от катастрофы.* М.: Альпина Паблишер. [Larson, E. (2021). *The Splendid and the Vile: A Saga of Churchill, Family and Defiance during the Blitz.* Moscow: Alpina Publisher (in Russian)].
- Людендорф Э. (2015). *Тотальная война.* М.: ЭКСМО. [Ludendorff, E. (2015). *Total War.* Moscow: EKSMO (in Russian)].
- Ракитин А. (2013). *Перевал Дятлова: загадка гибели свердловских туристов в феврале 1959 года и атомный шпионаж на советском Урале.* М., Екатеринбург: Кабинетный ученый. [Rakitin, A. (2013). *The Dyatlov Pass Incident: The Mystery of the Death of Sverdlovsk Tourists in February 1959 and Atomic Espionage in the Soviet Urals.* Moscow, Ekaterinburg: Kabinetny ucheny Publ. (in Russian)].
- Санчес-Сибони О. (2022). *Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева.* СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика. [Sanchez-Sibony, O. (2022). *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev.* Saint Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossica Publ. (in Russian)].
- Симчера В.М., Соколин В.Л., Машихин Е.А., Шевяков А.Ю. (2001). *Энциклопедия статистических публикаций.* М.: Финансы и статистика. [Simchera, V., Sokolin, V., Mashihin, E., Shevyakov, A. (2001). *Encyclopedia for Statistical Publications.* Moscow: Finance and Statistics Publ. (in Russian)].

- Минаев А.В. (ред.) (1999). *Советская военная мощь от Сталина до Горбачева*. М.: Военный Парад. [Minaev, A. (ed.) (1999). *The Soviet Military Power from Stalin to Gorbachev*. Moscow: Voenny Parad Publ. (in Russian)].
- Туз А. (2021). *Всемирный потоп. Всемирная война и переустройство мирового порядка, 1916–1931*. М.: Изд-во Института Гайдара. [Tuz, A. (2021). *Global Flood. World War and the Reorganization of the World Order, 1916–1931*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute (in Russian)].
- Уткин А.И. (2008). *Подъем и падение Запада*. М.: АСТ. [Utkin, A. (2008). *The Rise and Fall of the West*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Уткин А.И. (2010). *СССР в осаде*. М.: ЭКСМО, Алгоритм. [Utkin, A. (2010). *USSR under Siege*. Moscow: Eksmo Publ., Algoritm Publ. (in Russian)].
- Фомин Д.А. (2023). Война и статистика. *Journal of Institutional Studies* **15**(2), 61–76. [Fomin, D. (2023). War and statistics. *Journal of Institutional Studies* **15**(2), 61–76 (in Russian)].
- Фомин Д.А. (2024). Миф о Левиафане: новое прочтение британского историка. Размышления о книге М. Харрисона «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме». *Terra Economicus* **22**(1), 6–31. [Fomin, D. (2024). The myth of Leviathan: A new interpretation by a British historian. Reflections on Mark Harrison's Secret Leviathan: Secrecy and state capacity under Soviet Communism. *Terra Economicus* **22**(1), 6–31 (in Russian)].
- Ханин Г.И. (1993). *Советский экономический рост: анализ западных оценок*. Новосибирск: ЭКОР. [Khanin, G. (1993). *Soviet Economic Growth: Analyzing Western Assessments*. Novosibirsk: EKOR Publ. (in Russian)].
- Швейцер П. (2021). *Тайная стратегия развала СССР: роль администрации США*. М.: Родина. [Schweizer, P. (2021). *The Secret Strategy for the Collapse of the USSR: The Role of the US Administration*. Moscow: Rodina Publ. (in Russian)].
- Шлыков В.В. (2001). Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах. *Военный вестник* (8), 18 с. [Shlykov, V. (2001). What Ruined the Soviet Union? American intelligence on Soviet military expenditures. *Voenny vestnik* (8), 18 p. (in Russian)].
- Шпеер А. (1997). *Воспоминания*. Смоленск: Русич. [Speer, A. (1997). *Memories*. Smolensk: Rusich Publ. (in Russian)].
- Harrison, M. (2023). *Secret Leviathan: Secrecy and State Capacity under Soviet Communism*. Stanford: Stanford University Press.